

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

«ПЯТАЯ
КОЛОННА»
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Валерий Евгеньевич Шамбаров
«Пятая колонна»
Советского Союза
Серия «Исторические открытия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22826201

«Пятая колонна» Советского Союза: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906880-68-0

Аннотация

Новая работа известного писателя-историка Валерия Шамбарова продолжает цикл его исследований о силах и группировках, в разные эпохи содействовавших внешним врагам нашей страны. Она охватывает период от образования СССР до его расчленения и разделения. Троцкисты и бухаринцы, участники подпольных антисоветских организаций, власовцы, бандеровцы, диссиденты, заговорщики и агенты влияния в партийной верхушке, загадки катастрофических зигзагов «хрущевщины», теневые процессы «застоя», творцы разрушительных «перестроек» – обо всем этом расскажет читателю книга «„Пятая колонна“ Советского Союза».

Содержание

От автора	5
Язва первая	8
Язва вторая	21
Язва третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерий Шамбаров

«Пятая колонна»

Советского Союза

© Шамбаров В.Е., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Великая, богатая и могущественная Россия к началу XX века стала слишком сильным конкурентом для западных держав. Но и сокрушить ее не мог ни один враг. Она справилась с нашествиями поляков, шведов, «двунадесяти языков» под знаменами Наполеона. Против нее сплотилась вся Европа. Но Россия выдержала массированный удар Англии, Франции, Сардинского королевства, Турции. Их армии истекли кровью на бастионах Севастополя, планы поставить на колени и расчленить нашу страну провалились. Однако Запад в своих операциях против русских во все времена активно использовал «пятые колонны». Целенаправленно формировал их, настраивал, подкармливал. С конца XIX столетия они стали основным оружием в мировом противостоянии.

«Пятые колонны» были разнообразные, зачастую не похожие друг на друга. Масонствующие либералы, сепаратисты всех мастей, широчайший спектр социалистических группировок от народных социалистов до большевиков, агенты влияния в российской правящей верхушке. Но действовали они в одном направлении, с ними прямо или косвенно контактировали зарубежные спецслужбы, координировали их. Теневые круги западной политической и финансово-промышленной «закулисы» обеспечили их финансирование, поддержку мировой «общественности». Результаты сказались в 1917 г.

«Пятым колоннам» удалось сделать то, на что были не способны никакие неприятельские армии. Российская империя рухнула. Но выиграли ли от этого заговорщики, оппозиционеры и революционеры, подорвавшие ее фундамент? Нет. Тайным режиссерам и спонсорам не нужна была никакая Россия, ни царская, ни либеральная, ни демократическая.

В данном отношении многообразие «пятых колонн» стало очень удобным. После выполнения первой, общей задачи, их сравнили между собой. А ставку в этой схватке зарубежные заказчики сделали на большевиков – самую радикальную, самую разрушительную из революционных партий. Вдобавок ее руководство было насквозь заражено агентами влияния, связанными с «мировой закулисой», что позволяло контролировать и регулировать ее деятельность. Троцкий, Свердлов, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Ганецкий, Красин, Чичерин, Литвинов, Сокольников, Радек, Раковский, Крупская, Коллонтай и десятки других. Вот тут-то исполнились самые радужные замыслы противников России. Гражданская война обескровила ее, разрушила промышленность, транспорт. Эксперименты «военного коммунизма» вызвали страшный голод, унесший миллионы жизней. Была разгромлена Православная Церковь. Все это сопровождалось чудовищным разграблением страны. После победы большевиков на запад хлынул поток золота, драгоценностей, произведений искусства. Вывозились пушнина, нефть, лес и другое ценное сырье.

Массовое сопротивление народа, крестьянские восстания, мятежи в войсках и на флоте заставили большевиков все-таки свернуть катастрофические модели построения коммунизма. Распустить подневольные «трудовые армии», отменить продразверстку, разрешить торговлю и мелкое частное предпринимательство. В 1921 г. была провозглашена «новая экономическая политика» – нэп. А в борьбе за власть, развернувшейся в период болезни Ленина и после его смерти, взяло верх патриотическое крыло партии во главе со Сталиным. Государственные образования, возникшие после распада Российской империи, объединили в Союз Советских Социалистических Республик. Он был гораздо меньше, чем прежняя империя – оказались утрачены Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, западные области Белоруссии и Украины. Вместо единства погибшей империи СССР представлял собой федерацию республик, связанных между собой союзными договорами. И все же возродилась обширная держава, наследница былой России. Но и «пятые колонны» никуда не делись. В правящей коммунистической партии эмиссары зарубежных сил занимали многие ключевые посты. Другие «колонны», побежденные, затаились в подполье или очутились в эмиграции. Надеялись на продолжение борьбы с советской властью – но опять при покровительстве и поддержке Запада. О тайной войне, начавшейся в Советском Союзе и вокруг него, рассказывает книга, которую Вы сейчас держите в руках.

Язва первая

Незавидное наследство

Расцвет нэпа в России принято изображать в ярких и радостных тонах. В городах открывались рестораны, кафе. Зазывали публику смелыми постановками театры. С посвистом мчались извозчики-лихачи, развозя «с ветерком» респектабельную публику. Важно фырчали моторами автомобили, перемещая по улицам публику еще более значимую. Гремели оркестрики и модные джазы. Томно дымили папиросками в длинных мундштуках и закатывали глаза женщины-вамп в мехах и немыслимых шляпках. А вокруг них увивались бойкие мужчины в канотье... Труды демократических авторов представляют «благословенный» нэп золотым периодом советской истории. Дескать, стоило только допустить свободу предпринимательства, как в народе сразу выдвинулись деловые люди – нэпманы, которые накормили страну, вывели ее из разрухи, подняли благосостояние.

К действительности подобные утверждения никакого отношения не имеют. Промышленность восстанавливалась не нэпманами, а государством, и дело шло очень туго. К 1924 г. уровень производства достиг только 39 % по отношению к уровню 1913 г. (а в 1916 г. он был еще выше, чем в 1913 г.). Да и эти цифры, вероятно, подтасовывались для отчетности.

Оборудование заводов и фабрик было изношено и запущено. Восстанавливалось то, что можно было запустить побыстрее и с минимальными затратами. Или отрапортовать побыстрее. Ради выпуска хоть какой-то продукции упрощались технологии, производились товары низкого качества. Но и их не хватало. Чекист Агабеков в своих мемуарах пишет о традиции, существовавшей в *центральной аппарате ОГПУ*: сотрудники, направляемые за границу, раздаривали или продавали сослуживцам часы, костюмы, ручки и т. п., поскольку за рубежом могли купить все это запросто, а в СССР достать было негде.

Чтобы предприятия все-таки приносили прибыль, зарплата рабочих оставалась крайне низкой, они жили впроголодь. Но и это почиталось за счастье, поскольку в стране царила безработица. Подавляющее большинство городского населения ютилось в трущобах коммуналок. Нелегко доводилось и крестьянам. Сельхозналог, заменивший продразверстку, был очень высоким. А то, что оставалось после его сдачи – куда было девать? Самому везти на базар и продавать? Это могли не все. Купить сельскохозяйственную технику было негде. Да и кто мог бы себе это позволить? Крестьяне в поте лица ковырялись на клочках поделенной земли с лошадиной, с примитивной сохой.

Ну а нэпманы богатели вовсе не на производстве, а на посредничестве. Скупали и перепродавали продукцию промышленных предприятий – что вело к бешеному росту

цен. Скупали и перепродавали сельхозпродукцию. Поэтому в лавках, магазинах было все. Но не всем по карману. В деревне выделились «кулаки». Не прежние, а новые «кулаки», прежних разорила и извела революция. Это тоже был сорт нэпманов, скупавших по дешевке у односельчан «излишки» продукции и сбывавших городским нэпманам. А крестьяне, даже трудясь на своей земле, попадали в зависимость от местных «предпринимателей».

Еще одним источником обогащения являлись всевозможные махинации. Мелкие предприятия сдавались в аренду частникам якобы для возрождения промышленности. Но какой частник стал бы арендовать убыточные предприятия? Брали то, что и без них хорошо работало. Или брали для того, чтобы получить кредиты под восстановление и реконструкцию. Нэп знаменовался разгулом жулья и коррупции. Арендованные предприятия становились «крышами», чтобы под их прикрытием спекулировать сырьем, продукцией государственных предприятий. Советские чиновники легко покупались взятками. Регистрировались фиктивные предприятия, брались и исчезали в неизвестных направлениях авансы и кредиты.

Сверкающие огнями рестораны обслуживали вовсе не большинство населения, а нуворишей. При тех же нуворишах сытно жила обслуживающая их интеллигенция – квалифицированные врачи, юристы. При них кормилась и «богема» – поэты, артисты, дорогие шлюхи. Вот эта мутная на-

кипь как раз и создавала иллюзию яркой и веселой жизни. Хотя за ней, как за мишурным занавесом, лежали нищета и отсталость. Отсталость, которой не было в России царской, но в которую страна была отброшена Гражданской войной, разрушительными социальными и экономическими экспериментами.

По сути, нэп вел к закабалению Советского Союза зарубежным капиталом. Ленин писал: «Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников...». А вдобавок советское руководство оказалось насквозь заражено деятелями той же самой «пятой колонны», которая обеспечила падение Российской империи. Они сохранили связи со своими зарубежными покровителями, и режиссеры великой трагедии именно сейчас пожинали плоды столь удачной для них операции. Правда, главный спонсор русской революции, американский банкир Якоб Шифф, уже умер, но активно развернулись его компаньоны Отто Кан, Пол и Феликс Варбурги.

Ради расширения контактов с большевиками Кан организовал гастроли по Америке Московского художественного театра. Пол Варбург стал членом Американо-Российской торговой палаты. Те же Кан и Пол Варбург подталкивали к сотрудничеству с большевиками политиков и бизнесменов других стран, убеждали их, что «закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Ну а Феликс Варбург неоднократно приезжал в Москву, установил весьма плодотворные связи с председателем Совнаркома Рыковым, за-

просто был вхож в его кабинет.

Нет, подобные связи отнюдь не были *взаимовыгодными*. Повальное расхищение национальных богатств России, начатое в годы Гражданской войны и сразу после нее, при нэпе продолжилось полным ходом. Имеются сведения, что в середине 1920-х большая партия золота была вывезена для банка Моргана «Гаранти Траст». Еще одна партия советского золота, на 20 млн долл., ушла за границу через банкира из Сан-Франциско Роберта Доллара и шведского бизнесмена Олафа Ашберга. Иностранцам на самых выгодных условиях раздавались в концессии месторождения полезных ископаемых, нефтепроводы, предприятия. Один лишь друг Троцкого Арманд Хаммер заключил с Советским правительством 123 экономических соглашения! Впоследствии журналисты спросили у него: как стать миллиардером? Хаммер в ответ пошутил: «Надо просто дожидаться революции в России».

Жена Каменева Ольга, сестра Троцкого, для которой был специально создан пост заведующей международного отдела ВЦИК (т. е. советского «парламента» – Всесоюзного центрального исполнительного комитета Советов), совершала турне по Америке и Европе, вместе со своим подручным Грабарем налаживала «культурные связи». Вывозились за границу выставки шедевров российского искусства, но обратно возвращалось далеко не все. Распродавалось частным коллекционерам. Зато Ольга Каменева, единственная в СССР, имела четыре личных автомобиля. Разъ-

езжала на кадиллаках и роллс-ройсах, подаренных зарубежными «благотворительными» организациями. В операциях с Советским Союзом оказались задействованы и другие господа, поработавшие на силы «мировой закулисы» в период революции. Кеннет Дюран, бывший адъютант американского «серого кардинала» Хауза, возглавил представительство ТАСС в Нью-Йорке. Старый покровитель Ленина и Троцкого Парвус-Гельфанд остался в Германии, но его дети пристроились в советском дипломатическом ведомстве.

Само государство, возникшее в 1920-е годы на месте России, уже не было Россией. Преемственность с прежней империей перечеркивалась. Луначарский еще в сентябре 1918 г. ставил задачи перед Наркоматом просвещения: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено». На этом поприще подвизались партийный теоретик Н.И. Бухарин и «красный академик» М.Н. Покровский, подменяя историческую науку грязной клеветой на отечественное прошлое, оплеывая и изображая в карикатурном виде великих князей, царей, полководцев, государственных деятелей. Однозначно подразумевалось, что все это погибло, а в 1917 г. возникло нечто совершенно новое, уже не российское. Даже термины «Отечество», «патриотизм» воспринимались как ругательства и изгонялись из обихода.

Крушилась и вся российская культура. Появились РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и прочие организации, внедрявшие вместо нее уродливый «пролеткульт». Председателем РАППа стал Леопольд Авербах, по воспоминаниям современников, «очень бойкий и нахальный юноша». Ну еще бы ему не быть нахальным, если он приходился племянником Свердлова, а помогала ему громить русскую культуру сестра – Ида Авербах, супруга заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Спорить с такими деятелями категорически не рекомендовалось. Например, в 1925 г. поэт Алексей Ганин с шестью товарищами были арестованы и расстреляны: у Ганина нашли рукопись, где говорилось, что нэповская Россия «ныне по милости пройдох и авантюристов превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние...».

Исключались из учебных программ и запрещались произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого. Здесь активной помощницей Луначарского выступала Н.К. Крупская. Под началом заведующего отделом Наркомпроса Штернберга ниспровергалось русское изобразительное искусство. Еще один заведомо – Мейерхольд – крушил театр, призывая «отречься от России». Русофобия вообще становилась негласной, но по сути непререкаемой установкой. Даже Есенин, написавший кощунственную «Инонию», восторженно приветствовавший революцию, оказывался не

ко двору. Сам Бухарин клеймил его, обвиняя в «великорусском шовинизме», — да, ностальгическое воспевание русской деревни, русской природы приравнялось к «шовинизму». Вместо авторов и произведений, признанных ненужными и «реакционными», получали признание новые «классики»: апологет «новой живописи» Малевич, оккультист Коненков, штампующий глупые агитки Демьян Бедный, воспевающий насилие и жестокость писатель Зазубрин, теоретики «новой литературы» Шкловский, Брик, Бабель.

А вместо отвергнутого Православия внедрялась государственная псевдорелигия — ленинизм — с поклонением культу умершего предводителя. Вместо икон на стенах повисли портреты коммунистических вождей, вместо богослужений собирались митинги, вместо Священного Писания штудировались работы Ленина и Маркса. Вокруг Владимира Ильича создавался ореол непогрешимости, утверждалось, что он не ошибался никогда — даже когда ошибалась «партия». В рамках новой псевдорелигии вводились новые праздники, обряды массовых шествий, театрализованных действий, мистерий с чучелами, портретами, «красного рождества» — которое, согласно инструкциям Наркомпроса, должно было сводиться «к соблюдению древних языческих обычаев и обрядов», «октябрин» вместо крестин, делались попытки заменить даже христианские имена «революционными» — появились Мараты, Гильотины, Революции, нелепые аббревиатуры из коммунистических символов.

Разрушались мораль, институты семьи – вполне в духе масонских теорий иллюминатов. Правда, идеи Коллонтай, что сексуальный акт должен восприниматься как «стакан воды», удовлетворил жажду и дальше пошел, все же были осуждены. Такие вещи подрывали дисциплину и вели к откровенным безобразиям. Но пропагандировались установки Маркса и Энгельса, что семья – временное явление, при социализме оно должно «отмереть». Теперь семья сводилась к формальности. «Расписаться» можно было чрезвычайно легко. Шли мимо ЗАГСа, местного Совета или другого органа власти, заглянули туда на минутку – и тут же стали мужем и женой. Столь же легко осуществлялись разводы, по заявлению хотя бы одного из супругов.

Пропагандировались аборты. Советский Союз стал первым в мире государством, легализовавшим их. Впрочем, не совсем. Аборты разрешили во Франции, но лишь в короткий промежуток времени, во время «великой французской революции». За этим небольшим исключением во всех странах они влекли уголовное наказание. Но в 1920 г. большевики сняли запрет. Практика абортов распространялась все шире. Это хорошо сочеталось с внедрением идей о «свободе» женщины, о ее «равноправии» с мужчинами. Она должна быть «личностью», полноценным строителем социализма, должна идейно развиваться. А деторождение вроде бы мешало подобным задачам, низводило женщину до «животных» функций. Нередко к подобному решению подталкива-

ли подчиненных женщин начальники, партийные и комсомольские руководители: дело важнее, не время из строя выбывать. Аборты становились «естественным выходом» в отвратительных бытовых условиях бараков и коммуналок. А советские больницы широко распахивали двери для всех желающих. Избавиться от ребенка? Пожалуйста! Медицинская пропаганда разъясняла, как это просто, доступно, быстро, почти безопасно.

Ширился и самый вульгарный разврат, чему способствовала сама обстановка нэпа. Разгул жуликов и скороспелых «бизнесменов», их ресторанные пиршества, кутежи с доступными певичками и танцовщицами соблазняли партийных и советских функционеров. Они-то были «главнее» нэпманов. Почему было им не жить так же «красиво»? Они вступали в махинации с делягами, пользовались своей властью, получая аналогичные удовольствия – за закрытыми дверями отдельных кабинетов ресторанов, организуя тайные притоны. Такие начальники на местах чувствовали себя всесильными. «Рука руку мыла», функционеры покрывали друг друга, с ними были связаны карательные органы. А человека, проявившего недовольство, личного врага, можно было отправить в чрезвычайку, оклеветать, и попробуй найди правду.

Таким образом, нэп стал временной передышкой между периодами крутых «встрясок», но он не принес стране ни сытости, ни благосостояния. Не принес он и никаких «свобод».

Любое инакомыслие пресекалось, даже внутри партии. Еще в 1921 г. в ходе борьбы с «рабочей оппозицией» Шляпникова Ленин провел на X съезде РКП(б) постановление «Единство партии» о недопустимости фракций. Отныне за отклонение от центральной линии, за попытку организовать фракции, грозили наказания вплоть до исключения из партийных рядов.

Нэп не принес и социальной стабильности. Даже рядовые коммунисты чувствовали себя обманутыми. Они прошли Гражданскую войну, победили – и не имели ничего, кроме рваных шинелей и разбитых сапог. Зато их начальство барствовало, бесились с жиру нэпманы. Невольно напрашивался вопрос: «За что боролись?» Но и в руководстве партии взгляды на нэп были неоднозначными. Основным критерием стратегии признавался ленинизм, верховным арбитром во всех спорах становился мертвый Ленин – точнее, его цитаты. А они существовали в самом широком диапазоне. Желая успокоить народ, Владимир Ильич публично заявлял, что нэп «всерьез и надолго». Но он же в марте 1922 г., на XI съезде партии, прямо указывал, что «отступление», длившееся год, закончено, и на повестку дня ставилась задача – «перегруппировка сил» для новой атаки.

Выход из катастрофической экономической ситуации был один – индустриализация. Но взгляды на нее различались. Одно крыло руководства во главе с партийным идеологом Бухариным и председателем Совнаркома Рыковым стояло

за то, чтобы продолжать и углублять нэп, а индустриализацию вести плавно, постепенно. Другое – Троцкий, Зиновьев, Каменев – считало, что нэп пора сворачивать, возобновить наступление на крестьянство и штурмовать развитие индустрии. Но вдобавок увязывало данные процессы с «мировой революцией». Доказывало, что технологии и оборудование для тяжелой промышленности можно получить только на Западе. За это надо платить зерном, сырьем. Но цены на мировом рынке диктует капиталистическое окружение. Стало быть, от него зависят валютные поступления, необходимые для индустриализации. Получался замкнутый круг, из которого без «мировой революции» никак не выйти.

Хотя эти аргументы строились на ложных предпосылках. Во-первых, сугубая ориентация на Запад для получения технологий – возможность разработки их отечественными силами заведомо отбрасывалась. Во-вторых, рыночную конъюнктуру никогда не определяет одна сторона. Владелец товара тоже вправе решать, согласен ли он отдать его по данной цене. И на самом-то деле «капиталистическое окружение» было очень заинтересовано в поставках советского зерна, нефти, леса и пр. Без них странам Запада пришлось бы туго.

Но ведь в итоге игра шла «в одни ворота»! Иностранцы называли низкие цены, а советские партнеры безоговорочно их принимали. Чему удивляться в общем-то не стоит. Ведь дипломатические и торговые ведомства контролирова-

ла все та же «пятая колонна». Поэтому торговля становилась еще одной формой разграбления нашей страны, из нее делали всего лишь сырьевой придаток Запада. Еще раз напомню уверенные слова Пола Варбурга: «Закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Европы, но не России.

Язва вторая

«Левая» оппозиция

Одолеть Троцкого Сталин сумел в союзе с другими тогдашними лидерами партии и государства, Каменевым и Зиновьевым. Но говорить в данном случае о «триумвирате» было бы опрометчиво. Просто Троцкий, набрав огромный вес, занесся, стал выходить из-под контроля своих зарубежных покровителей. Чуть не раздул революцию в Германии, новую европейскую войну – в то время как транснациональные корпорации настроились спокойно «переварить» плоды прошлой войны, «мирно» осваивали рухнувшую Россию и расхищая ее богатства. А Зиновьев и Каменев были того же поля ягодами, как и Лев Давидович. Но прекрасно знали его диктаторские амбиции. Представляли, если он утвердится у власти, то запросто подомнет их или отбросит на обочину, им достанется лишь роль исполнителей решений Троцкого. А Сталин не был связан с зарубежными теневыми силами, не задействовался в тайных операциях. До сих пор он выступал лишь «учеником» и проводником идей Ленина. Его считали недалеким, несамостоятельным политиком. Он выглядел предпочтительнее. Выполнял волю Ленина, а теперь его будут направлять они, Зиновьев с Каменевым...

Но и Сталин прекрасно представлял: они только времен-

ные союзники. Настоящей его опорой была «серая» партийная масса. Вчерашние рабочие, солдаты. Для них Иосиф Виссарионович был ближе, чем Троцкий с его «наполеоновскими» замашками, с повальными расстрелами. Ближе, чем «интернационалисты», понаехавшие из-за границы, занявшие многие ключевые посты в советском государстве. В 1924 году Сталин постарался увеличить число своих сторонников в партии, объявив «ленинский набор». Одним махом в ряды РКП(б) влилось 200 тыс. новых членов – и как раз из низовой, «серой» массы. Нетрудно понять, что эта добавка усилила патриотическое крыло.

В борьбе с соперником Иосиф Виссарионович использовал и рычаги партийной власти: он же был Генеральным секретарем партии, ему подчинялся аппарат. Наконец, Сталин применял и обычное лавирование, интриги, раскалывая соперников. Причем он никогда не наносил ударов первым. Он знал своих противников и ждал – сами подставятся. Так и случилось. Осенью 1924 г. Троцкий предпринял очередную атаку. Причем выступил на том поприще, на котором обладал бесспорными преимуществами, – на литературном. Публицистом он был блестящим, и к годовщине революции опубликовал статью «Уроки Октября». Но в запальчивости его занесло. Он хвастался напропалую собственными заслугами, ставил себя в один ряд с Лениным, а то и выше. А конкурентов постарался облить грязью. Досталось и Сталину, но особенно – Зиновьеву и Каменеву. Троцкий ткнул их но-

сом в «октябрьский эпизод», когда они в 1917 г. выступили против вооруженного восстания, разгласив в печати планы большевиков. Словом, оказались трусами и предателями, а уж хлесткое перо Льва Давидовича сумело обвинить их как можно более обидно.

Но Сталину только это и требовалось! Если сам он с нарочитой скромностью всегда и везде изображал себя лишь «учеником» Владимира Ильича, то претензии Троцкого вознестись выше «божества» нетрудно было преподнести чуть ли не кощунством. Противники Льва Давидовича объявили по всей стране «литературную дискуссию». Привлекли недавно созданный институт марксизма-ленинизма. Его сотрудники перелопатили труды и письма Ленина, и на голову Троцкого вывернули все эпитеты, которыми вождь награждал его в периоды партийных ссор: «Иудушка», «Балалайкин» и пр. Дискуссия вылилась в кампанию под лозунгом «Похоронить троцкизм». Взгляды Льва Давидовича объявили антиленинскими, его предложения о сворачивании нэпа расценивались как отклонения от «линии партии».

Оскорбленные Каменев и Зиновьев рвали и метали, требовали исключить его из Политбюро, из ЦК и вообще из партии. Однако Сталин неожиданно выступил куда более миролюбиво. Почему? Да потому что и Каменев с Зиновьевым были для него не друзьями. От них тоже предстояло избавиться, а для этого Троцкий еще мог пригодиться. По предложению Иосифа Виссарионовича Льва Давидовича только

отстранили от должностей наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. Вместо него назначили Фрунзе – очень популярного в армии и убежденного противника Троцкого.

А новая партийная схватка не заставила себя ждать. Она началась уже весной 1925 г. – в ходе споров о судьбах нэпа. Ведь в данном вопросе Зиновьев и Каменев являлись единомышленниками Троцкого, настаивая, что нэп пора сворачивать. Однако Сталин во всех подобных обсуждениях и дискуссиях выработал очень мудрую линию поведения. Предоставлял противоборствующим сторонам сцепляться друг с другом и поначалу не примыкал ни к кому. Таким образом, он оказывался «над схваткой», в роли третейского судьи. А партийная масса привыкала, что позиция Сталина взвешенная, выверенная, то есть самая верная. В данном вопросе он принял сторону Бухарина и Рыкова, ратовавших за углубление нэпа.

Искренне ли? Или только из желания избавиться от «соправителей»? Судя по всему, искренне. С точки зрения благосостояния народа программа Бухарина и впрямь выглядела предпочтительнее – богатеют и множатся крестьянские хозяйства, увеличивается количество их продукции, развивается легкая промышленность, а все это даст средства для развития тяжелой. Вроде бы получалось достичь социализма без новых катастроф, погромных кампаний, лишений. Существуют свидетельства, что Иосиф Виссарионович в этот

период высоко оценивал Бухарина. Сотрудник сталинского секретариата А. Балашов рассказывал Д. Волкогонову, что мнение идеолога партии было очень важно для генерального секретаря при выборе собственной позиции. Политбюро собиралось не всегда, часто по тому или иному вопросу голосовали и писали свои мнения на специальных бланках. Когда такие бланки приносили Сталину, он первым делом интересовался, как проголосовал Бухарин.

Апрельский пленум ЦК 1925 г. принял именно эту программу. Снижались налоги с крестьян, увеличивались кредиты, разрешались аренда и использование наемного труда. Задачей партии объявлялись «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны». Ну а «против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией», предполагалось использовать экономические меры борьбы. Однако данные проекты сразу же начали давать сбои.

Вроде бы в 1925 г. собрали очень богатый урожай. В расчете на прибыль от сельскохозяйственной продукции было заложено 111 новых предприятий. Но финансовые поступления оказались гораздо ниже запланированных! Да, крестьянам оставляли больше продукции, но наживались на этом кулаки и перекупщики-нэпманы, 83 % торговли в стране захватил частный сектор. Снижение налогов и хороший урожай обернулись «голодом» на промышленные товары,

инфляцией. А рабочие и служащие государственных предприятий бедствовали. Попытки решить проблемы за счет экономии и повышения производительности труда, то бишь «затягивания поясов» и нажима на работяг, вызвали целую волну забастовок. В результате все планы провалились. Начатое строительство новых предприятий пришлось замораживать, увеличивать косвенные налоги, тратить золотовалютные резервы.

А Зиновьев с Каменевым и другими сторонниками решили воспользоваться ситуацией для атаки на власть. Возникла «новая оппозиция». Но только стоит иметь в виду, что экономическая политика являлась лишь подходящим предлогом для нападков. Через несколько лет, когда сворачивание нэпа и ускоренную индустриализацию начнет Сталин, то Троцкий и другие оппозиционеры «забудут», что они ратовали за то же самое. Перейдут на противоположную точку зрения. В 1925 г. истинной подоплекой атаки были вовсе не экономические споры, а тайная идея «слабого генсека».

Потому что Зиновьев и Каменев успели осознать свою ошибку. Убедились, что Сталина они недооценили, регулировать его и управлять им бывшие союзники не могли. Наоборот, он набирает все большую силу. Заставляет их следовать в фарватере собственной политики. Вот и возник план — обвинив в ошибках, сместить Иосифа Виссарионовича. Заменить другой фигурой, которая станет послушным орудием в их руках. На пост Генерального секретаря наметили вы-

двинуть Яна Рудзутака, Зиновьев вел с ним переговоры.

Силы оппозиции выглядели внушительными. За Зиновьевым стояла мощная Ленинградская парторганизация, он возглавлял Коминтерн. Каменев руководил Моссоветом, Советом труда и обороны (СТО). К ним примкнули нарком финансов Сокольников, заместитель председателя РВС Лашевич. Накручивали подчиненных против центрального руководства. Доходило до того, что на заводские собрания не пускали представителей ЦК. Самостоятельную роль в оппозиции решила вдруг играть и Крупская, выставляя себя ни больше ни меньше как «наследницей» мужа, лучше других знающей истинный смысл его работ. Действовала неумело, но весьма энергично. Впрочем, откровенными попытками поучать партийцев только возмутила их. После ее выступления на XIV съезде М.И. Ульяновой пришлось даже извиняться за родственницу: «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены партии, я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать...».

Но Рудзутака Сталин легко перекупил – предложил ему посты члена Политбюро и заместителя председателя Совнаркома. А Троцкий был все еще обижен на Зиновьева с Каменевым и их не поддержал (причем он тоже ждал, что его захотят перекупить, намеревался потребовать должность

председателя Всероссийского Совета народного хозяйства – ВСНХ). Ну а деятельность оппозиции четко попала под обвинение во «фракционности», нарушали постановление XI съезда «Единство партии». Зиновьевцы оперировали антикрестьянскими цитатами Ленина – им ответили массой других цитат, где Владимир Ильич выступал за союз рабочего класса и крестьянства. В декабре 1925 г. на XIV съезде партии «новую оппозицию» обвинили в «раскольничестве» и осудили как «левый уклон». Правда, наказания и в этом случае были мягкими. Каменева понизили из членов Политбюро в кандидаты. Зиновьева переизбрали с поста руководителя Ленинградской парторганизации, заменили Кировым.

Нет, Сталин был еще не настолько силен, чтобы одним махом избавиться от своих противников. Несмотря на поражения, они оставались видными партийными и государственными лидерами, сохраняли значительное влияние. Они контролировали многие важнейшие структуры управления, и попытки избавиться от них грозили серьезными потрясениями. Поэтому Иосиф Виссарионович действовал осторожно. Предоставлял оппозиционерам возможность самим дискредитировать себя. После каждого раунда борьбы они скатывались всего лишь на какую-нибудь одну ступенечку в советской иерархии. Но скатывались неуклонно, все ниже. При этом постепенно теряли авторитет, сторонников. От них отходили те, кто ошибся, отходили карьеристы, перекидываясь на сторону победителей.

После разгрома на XIV съезде «левые» отнюдь не успокоились. Тем более что экономическая ситуация в стране оставалась тупиковой, в народе нарастало недовольство. В 1926 г. количество забастовок возросло до 337 (против 196 в 1925 г.) А Троцкий с запозданием понял, что остался с носом: никто его переманивать не стал, новых высоких постов не предложил. Он начал переговоры с недавними врагами. Лев Давидович, Зиновьев и Каменев признали взаимные «ошибки», когда хаяли друг друга – и возникла «объединенная оппозиция». Заключались союзы с любыми инакомыслящими – с остатками «рабочей оппозиции» Медведева, с группой «демократического централизма» Сапронова и Смирнова, которая проповедовала вообще возврат к анархии 1917 г. – чтобы рабочие сами избирали и контролировали директоров и прочих начальников.

Сейчас противники Сталина взялись действовать уже «дооктябрьскими» методами. Устраивали самочинные митинги на заводах. Для выступления Лашевича московских партийцев пригласили на сходку в лесу. Велись размножение и рассылка оппозиционных материалов – их появление отслеживалось в Брянске, Саратове, Владимире, Пятигорске, Гомеле, Одессе, Омске, Харькове. Зиновьев всюду пользовался аппаратом Коминтерна – его сотрудники разъезжали по стране, организуя сторонников. Троцкий на митингах подогревал недовольство рабочих, соблазняя их своей «хозяйственной программой»: «На полмиллиарда сократить расхо-

ды за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана – получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой».

Хотя это была чистейшей воды демагогия. Бюрократический аппарат в СССР и впрямь был огромным, в 10 раз больше, чем в царской России. Но он и не мог быть меньше. До революции он дополнялся земскими структурами, частными правлениями предприятий. И к тому же сказывалось разрушение православной и патриотической морали – в советские времена над каждым чиновником требовалось ставить контролеров и контролеров над контролерами. Сокращение аппарата грозило экономике не выигрышем, а хаосом. Да и сам Лев Давидович «забывал», что живет вовсе не так, как рабочие, которых он провоцировал – ни в чем себе не отказывая, в роскоши, по несколько раз в год выезжал отдохнуть в Крым, на Кавказ, за границу. Но какая разница? Главное было – раздуть бучу.

Троцкисты раз за разом пытались сыграть и на «политическом завещании» Ленина. Этот вопрос поднимался еще в 1924 г. на XIII съезде партии. А летом 1926 г. на пленуме ЦК о нем вспомнили снова, потребовали от Сталина зачитать его. Что ж, Иосиф Виссарионович соглашался. Вопреки легендам, он «завещания» не скрывал. Но использовал его против своих же противников. Обвинения в «грубости» не выглядели такими уж серьезными для партийных работников времен Гражданской войны. А вот определение в ад-

рес Троцкого – «небольшевизм» – звучало убийственно. Ленин, правда, отмечал, что его нельзя ставить в вину Льву Давидовичу, но Сталин делал на нем акцент – и попробуй-ка, оправдайся!

Борьба шла жестокая. И велась она не только «партийными» методами. 31 октября 1925 г. при операции язвы желудка неожиданно умер Фрунзе. Трагическая случайность или убийство? Споры об этом идут до сих пор. Михаил Васильевич еще в Гражданскую войну постоянно выступал противником Троцкого, лично враждовал с ним – и Сталин использовал его как противовес, выдвинул во главу военного ведомства вместо Льва Давидовича. Но после его смерти место Фрунзе должен был занять Лашевич – заместитель председателя РВС и один из лидеров оппозиции. Нет, генеральный секретарь этого не допустил. Добился отправки Лашевича далеко на восток, на КВЖД (где тот быстро погиб в автокатастрофе), а на пост наркомвоенва провел безусловно верного себе Ворошилова.

Особое внимание стоит обратить и на схватку, случившуюся на пленуме ЦК в июле 1926 г. Когда против зиновьевцев и троцкистов выступил Дзержинский, ему стали затыкать рот, перебивать выкриками с мест, Каменев обвинил его в том, что он «45 миллионов рублей напрасно засадил в металлопромышленность». Взбешенный Дзержинский впервые произнес, что лидеров оппозиции нужно просто расстрелять. Ему в ответ крикнули: «Это вас нужно расстрелять!»

На что он упрямо подтвердил: «Я вам докажу, что добьемся своего...».

Стоп! За что – расстрелять? За несогласие с линией большинства? Для 1926 г. такая вина была явно недостаточной. Но заметим, что Дзержинский отреагировал на обвинение в бесполезном расходовании огромных сумм. Отметим и его убежденное «докажу». По своей должности председателя ОГПУ он знал, что его противники участвовали в разворывании и переправке за рубеж куда больших ценностей. Соответственно, знал об этом и Сталин. Но о таких вещах приходилось умалчивать: правда могла подорвать авторитет всей партии. Впрочем, Дзержинскому расстреливать высокопоставленных преступников было не суждено. На этом же заседании он переволновался и, придя домой, скоропостижно скончался от сердечного приступа. Или... не от приступа? Кто знает?

Тем не менее Сталин одолевал. Он опять сумел внести раскол в ряды своих противников. Зиновьева заставили присоединиться к осуждению «рабочей оппозиции» – поскольку ее еще при Ленине заклеили как «меньшевистский уклон». Удалось вывести из игры и Крупскую. Известно, что Сталин напомнил ей: «Мы еще посмотрим, какая вы жена Ленина». Правда, трактуют его слова по-разному. Автор исследований на данную тему Ю.М. Лопухин предположил, что Иосиф Виссарионович намекнул «на старую дружбу с И.Ф. Арманд». А в дальнейшем тиражировании скандаль-

ных версий эта фраза была еще и искажена: «Мы еще посмотрим, кого сделать женой Ленина». С выводом, что Сталин шантажировал несчастную старушку, грозя переиначить истину и «сделать» супругой Владимира Ильича его любовницу.

Однако с такой интерпретацией согласиться нельзя. Сталин еще не был настолько всемогущим, чтобы переписывать историю. Какое там, если он не был в состоянии даже заткнуть рот оппонентам? И если внимательно прочесть эту фразу, можно отметить: слово «какая» предполагает качества *жены*, а не измены мужа. С куда большей вероятностью Сталин намекнул на ту роль, которую играла Крупская в период болезни Ленина – обеспечивая влияние троцкистов, игнорируя предписания врачей и постановления ЦК, усугубляя его состояние истериками. И на попытку отравить мужа в марте 1923 г., когда она вдруг обратилась к Сталину, чтобы Ленину дали цианистый калий. В любом случае намек оказался для Крупской предельно ясен. Она знала, что имеет в виду Сталин, и это было настолько серьезно, что она испугалась. Так испугалась, что публично отреклась от соратников.

Очень эффективной тактикой борьбы стали и удары по «пешкам». Мелких сторонников оппозиции стали снимать с должностей, выгонять из партии или переводить куда-нибудь в провинцию. Тут же забеспокоились другие функционеры, поддерживавшие Зиновьева и Троцкого. Свое благополучие было дороже – и они начали перетекать на сторону вла-

сти. Но главным стало то, что рабочая масса не поддержала противников Сталина. Да, она не прочь была посвистеть на митингах, пофрондировать, излить собственное недовольство. Но лидеры оппозиции ни малейшей симпатии у нее не вызывали. Раньше они нагнетали ненависть против «буржуев», но ведь они сами привели народ в бедственное положение. Причем стали новыми «буржуями». Все помнили, сколько крови пролил Троцкий, насаждая дисциплину расстрелами красноармейцев, железнодорожников, рабочих. А Зиновьева, устроившего в Ленинграде персональную вотчину, занявшего все «теплые» места собственными родственниками и приятелями, на самом-то деле в Северной столице ненавидели и презирали.

Оппозиция «повисла в воздухе», не имея реальной опоры. В октябре 1926 г. на пленуме ЦК и в ноябре на XV партконференции ее разнесли в пух и прах. Опять против нее выдвинули обвинения в нарушении партийной дисциплины, фракционности. Зиновьев, Каменев и их сторонники вынуждены были униженно каяться, признавать свои грехи перед партией. Наказания очередной раз были умеренными. Троцкого и Каменева вывели из Политбюро, Зиновьева сняли с поста председателя исполкома Коминтерна. В общем, каждого – еще на ступенечку вниз. Но их политический вес был подорван. Отныне они превратились в «битые» фигуры.

Борьбу в советском руководстве в 1920-е годы нередко преподносят как персональные драки за власть. Но факты

показывают, что это не так. По мере того как Сталин утверждался во главе государства, менялась и политика. Так, в феврале 1924 г. была принята первая конституция СССР – и в ее рамках Иосиф Виссарионович установил гораздо большую централизацию Советского Союза, чем предусматривал Ленин. Украинские и грузинские лидеры, выступавшие против этой линии: Раковский, Петровский, Мдивани, Махарадзе и пр., – были смещены со своих постов и переведены на другую работу, подальше от своих республик, чтобы не мучили больше воду.

Для Грузии изначально были сохранены «особые» права, экономические и политические. Там легально действовала партия грузинских меньшевиков, ходила своя валюта, функционировали иностранные банки. Похоже, что Грузии предстояло стать уютным «офшором» для откачки советских богатств за рубеж. Но Сталин эти права ликвидировал. Он пересмотрел и некоторые другие решения, принимавшиеся при Ленине, когда слишком щедро одаривали «националов». Например, Донецкий, Таганрогский и Шахтинский округа были отданы Украине. В 1924 г. их отобрали назад и включили во вновь создаваемый Северо-Кавказский край, объединивший Дон, Кубань, Ставрополье, Терскую губернию и северокавказские национальные области. В 1926 г. был снят со своего поста нарком просвещения Украины Шумский за «националистический уклон». Его обвинили в чрезмерной «украинизации» педагогических кадров, в

сопротивлении «русской культуре». В том же году крепко влетело М. Хвиелевскому, требовавшему «немедленной де-русификации пролетариата» на Украине.

Из состава Киргизской (Казахской) АССР была изъята «подаренная» ей Оренбургская область. Провели административные реформы в Средней Азии. Вместо Бухарской и Хорезмской советских республик, претендовавших на очень широкую самостоятельность (и насквозь пропитанных пан-туркизмом), возникли Узбекская, Таджикская, Киргизская, Туркменская – их приводили к такому же образцу, как прочие советские республики, «подтягивали» к России.

А на Северном Кавказе Троцкий и его коллеги делали ставку на «революционных горцев». Они совершенно распоясались. В Москву шли жалобы: «Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки 12–13 лет, вооружены с ног до головы, имея револьверы и винтовки. Таким образом, получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо». Постоянная поддержка горцев со стороны властей обернулась полным беспределом. Они нападали и угоняли скот у казаков, крестьян, грабили и советские хозяйства. Но и друг с другом сводили счеты, кипели межнациональные склоки. При Сталине правительство взялось наводить порядок, пресекать бандитизм, разоружать местных жителей. Это понра-

вилось далеко не всем. В 1925 г. вспыхнуло восстание в Чечне, в 1926 г. в Дагестане. Резали русских, создавали вооруженные отряды. Причем обнаружилось, что местное руководство заражено национализмом, исламизмом, поддерживает связь с зарубежными центрами. Восстания разгромили войсками, и заигрываниям с «революционными народами Кавказа» пришел конец.

Обозначилось еще одно серьезное расхождение Сталина с политикой Ленина – отношение к «мировой революции». Идея о том, что революция может победить только в мировом масштабе или в нескольких развитых капиталистических странах, оставалась фундаментальной догмой марксизма-ленинизма. Даже высшая государственная награда, орден Красного Знамени, по официальному статусу значился «символом мировой социалистической революции», а первоначальное название СССР предполагалось – «Союз советских республик Европы и Азии». На подготовку «мировой революции» работали Коминтерн, Разведуправление Красной армии, иностранный отдел ОГПУ, наркомат иностранных дел. Шло финансирование иностранных компартий. При Коминтерне действовала Военная комиссия, имевшая собственные диверсионные школы, штат военных инструкторов, которых направляли за границу для подготовки боевиков. Организовывались восстания и теракты в Германии, Польше, Эстонии, Болгарии. Причем «мировая революция» стала еще одним каналом, по которому утекали за ру-

беж колоссальные средства в золоте и валюте.

Но по мере побед над оппозицией Сталин начал менять этот курс. В марте 1925 г. на V расширенном пленуме исполкома Коминтерна и в апреле на заседании Политбюро он озвучил совершенно иную идею, о «построении социализма в одной стране». В том же году была ликвидирована Военная комиссия Коминтерна, постановлением Политбюро прекращалась «активная разведка» – то есть диверсии, терроризм, создание боевых организаций. А в ноябре 1926 г. на той самой XV конференции, которая разгромила троцкистов и зиновьевцев, тезисы о «построении социализма в одной стране» были приняты официально, в качестве линии партии.

И эта же конференция приняла программу ускоренной индустриализации страны. В ее решениях указывалось: «Надо стремиться к тому, чтобы в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран». Такая программа отличалась от «плавной» бухаринской (впрочем, после кризиса 1925—26 годов Бухарин вполне согласился с ней). Но она имела и существенные отличия от троцкистской. Индустриализация предполагалась не за счет поставок из-за рубежа, а за счет собственных ресурсов. А иностранных концессионеров начали прижимать – неофициально, без шума, но вполне однозначно. У них вдруг возникали непредвиденные проблемы. Советские чиновники выискивали в концессионных договорах невыполнявшиеся пункты,

те или иные нарушения. Найдя благовидный предлог, требовали расторжения договоров. Зарубежным дельцам, раскатавшим губы на баснословную наживу, приходилось сворачивать дела и убираться домой.

Язва третья

Антисоветская эмиграция

Революция и Гражданская война выплеснули за границу 2 млн русских эмигрантов. Они рассеялись по разным странам, бедствовали. Ради куска хлеба трудились чернорабочими, грузчиками, судомойками, уборщиками мусора. Впрочем, некоторые устроились очень неплохо. Например, заговорщики, обеспечившие в свое время свержение царя, тузы российских банков, промышленности, купечества, Терещенко, Рябушинский, Нобель, Гукасов и иже с ними. Они заблаговременно перевели свои капиталы за рубеж, создали в эмиграции свою организацию – Торгпром, включились в европейский бизнес. Однако вместо одного канала создавались другие. Дядя Троцкого, банкир Абрам Животовский, обосновался в Стокгольме, где у него была совместная фирма с Олафом Ашбергом. Вместе с ним занимался перепродажей на запад русского золота и ценностей. Потом перебрался в Париж. Принялся организовывать «замаскированный советский банк» с прежними коллегами, бывшими российскими банкирами Абрамом Добрым, Цейтлиным, Лесиным, Высоцким, Златопольским. А родственные связи в Москве помогли получить для этой цели 25 млн франков от Советского правительства.

Бывшие дипломаты, в распоряжении которых остались весьма значительные суммы, объединились в Совет Послов. В эмиграции возникло несколько русских масонских лож – «Северное сияние», «Северная звезда», «Северное братство», в них входили многие видные политические и общественные деятели: Чайковский, Керенский, Кускова, Амфитеатров и др. Конечно же, большинство беженцев и изгнанников не питали теплых чувств к советской власти. Но и между собой они не были едиными. Ведь за границей очутился весь спектр партий и движений от монархистов до анархистов. Добавились споры по поводу причин поражения, дальнейших судеб России, персональное соперничество лидеров. Поэтому организаций появлялось очень много. Только во Франции их было зарегистрировано более 300.

Монархисты создали свой Высший Монархический Совет (ВМС), но тут же размежевались на «франкофилов» и «германофилов», на сторонников великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Николая Николаевича. Партия кадетов раскололась на «левое» и «правое» крыло, эсеры – на семь или восемь группировок. Меншевики сумели сохранить партийное единство, но продолжали исповедовать марксизм, а после ужасов Гражданской войны это учение стало у русских очень непопулярным. Образовалась группировка «учредиловцев» – тех, кто был причастен к разогнанному большевиками Учредительному Собранию, считая себя «законной российской властью». Но и они разделились на

«правых» и «левых».

Врангель сформировал Русский общевоинский союз (РОВС) – он считался как бы армией «в запасе». Если обстановка изменится, призовет своих членов в строй. Но Савинков образовал другую воинскую организацию, Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРиС). Третьей стало «Братство русской правды» (БРП) П.Н. Краснова, С.Н. Палеолога и князя Ливена, они ориентировались не на союз с Антантой, а на Германию. Два конкурирующих центра Белого движения возникли на Дальнем Востоке: один в Харбине, под руководством генералов Хорвата и Дитерихса, пользующихся покровительством местного властителя Чжан Цзолина, второй в Нагасаки, где находился атаман Семенов, ставленник японцев.

А кроме «общероссийских» существовали еще и казачьи, украинские, армянские, азербайджанские, грузинские, северокавказские, среднеазиатские организации. И тоже во множественном числе! Одни готовы были держаться заодно с русскими, другие выступали под знаменами непримиримого сепаратизма. Впрочем, даже среди сепаратистов единства не было. Допустим, у украинцев существовали организации Петлюры, Коновальца, Скоропадского, Тютюнника, враждовавших друг с другом.

Все эти противники большевиков считали, что борьба еще не завершена, пытались продолжать ее хотя бы подпольными или террористическими методами. Савинков готовил от-

ряды под эгидой поляков, Тютюнник – под эгидой румын. Врангелевцы и Братство русской правды засылали в Советский Союз группы офицеров, однако их сразу же вылавливали чекисты. А на большее возможностей у белогвардейцев не хватало.

В мае 1923 г. в Швейцарии сотрудниками Российского Красного Креста Конради и Полуниным был убит советский дипломат В.В. Воровский. Террористы выступали как одиночки, хотя на самом деле за ними стоял еще один активный заговорщик против царя, А.И. Гучков. Он тоже сберег весьма солидное состояние, вовремя перевел в иностранные банки. Но его буйную натуру тянуло в политику, он попытался снова поиграть – теперь уже на международном уровне. Главной целью убийства было устроить сенсационный судебный процесс, к делу подключили первоклассных адвокатов во главе с Т. Обером. В ходе заседаний были представлены многочисленные свидетели и документальные доказательства зверств и преступлений во время Гражданской войны. Обвиняемые были с триумфом оправданы. Но толку было мало. Процесс Конради и Полунина стал не более чем одnodневной сенсацией. После чего зарубежная пресса постаралась «затереть» информацию, переключив внимание читателей на другие темы. В данное время для западных правительств и теневых кругов было гораздо выгоднее сотрудничество с большевиками.

И все-таки у антисоветских организаций находились

спонсоры, покровители. Хотя можно выделить четкую закономерность. Всевозможные «левые» и «демократические» группировки получали помощь гораздо легче (а финансирование щедрее), чем монархисты и патриоты, а сепаратисты и националисты – чем сторонники «единой и неделимой». Причина в общем-то понятна. Запад оставался врагом России. Не «красной», не «белой», а России как таковой. Он признал Советское правительство, торговал с ним. Ведь сами большевики разрушали страну социальными и экономическими экспериментами, заключали крайне невыгодные сделки, эмиссары «пятой колонны» помогали расхищать национальные богатства. Но при этом зарубежные правительства и спецслужбы поддерживали и противников советской власти. Тоже пригодятся.

И если Врангелю ставили палки в колеса, а монархические организации владели жалкое существование, то Керенские, Милюковы, Гучковы и прочие деятели, приложившие руку к российской катастрофе, подобных трудностей избегали. Их приглашали на преподавательскую работу, давали хорошо оплачиваемые должности в иностранных общественных организациях. Их газеты и журналы выходили более солидными тиражами, чем монархические и белогвардейские, могли платить авторам гонорары, сотрудники редакций получали оклады, вполне достаточные для жизни.

Значительную помощь получил масон Б.В. Савинков. Причем главным его покровителем стал британский шпион

Сидней Рейли. У этого человека служба в разведке всегда была неотделима от наживы. Дела, которые не сулили значительную прибыль, его не интересовали. Поэтому Рейли «одной рукой» проворачивал тайные сделки с Советским Союзом. Вместе со своим старым другом Вениамином Свердловым он наладил бизнес по перепродаже русских ценностей, антиквариата, мехов, нефти. Ну а «другой рукой» он взялся организовывать подрывную работу против Советской России: это тоже пахло большими деньгами. Рейли вел переговоры в разных странах, обеспечил Савинкову связи с военным министерством Польши, с советником президента Чехословакии Масарика доктором Крамаржем, установил контакты с Черчиллем, Муссолини. Народный Союз Защиты Родины и Свободы Савинкова вполне устраивал западные державы, поскольку провозглашал борьбу за «третью, новую Россию» и заведомо ориентировался на «инострannую помощь».

Поддержку получил и масон Н.В. Чайковский, создавший свой «Центр действия». А Гучков после процесса над Конради и Полуниним вместе с адвокатом Обером образовал «Лигу борьбы с Третьим интернационалом» («Лига Обера»). В нее вошли многие политические деятели, секции «Лиги» возникли в 17 государствах, проводились международные конференции. Очень активную деятельность вели меньшевики и отколовшаяся от эсеров группировка «Крестьянская Россия», позже провозгласившая себя Трудовой крестьян-

ской партией (ТКП). И, опять же, лидеры этих организаций оказывались связаны с масонством. Эмигрируя из Советской России, они оставили там свои подпольные центры, сохранили большое влияние на «спецов» – интеллигенцию, пошедшую на службу большевикам.

Естественно, такая работа была невозможной без содействия иностранных спецслужб. Неужели польские, румынские или финские жандармы могли не заметить курьеров, связных, пересекающих границу? Неужели трудно было обнаружить базы, через которые поддерживалась связь? Конечно же, за подобное сотрудничество требовалось расплачиваться добытыми разведданными или иными способами... С территории Польши и Румынии действовали и украинские сепаратисты Тютюнника, Коновальца. А покровительницей Польши и Румынии выступала Франция. Стоило ей нажать на правительства этих стран, и антисоветскую деятельность пресекли бы. Но нет, Франция не нажимала.

Ну а Англия не оставляла без внимания Среднюю Азию, «подкармливая» деньгами и оружием басмачей. Британцы взяли под покровительство и армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов. Дашнаков поддерживала и Америка через армянскую диаспору. Даже Польша приняла вдруг горячее «участие» в судьбах кавказских националистов – хотя казалось бы, какое ей дело до Кавказа, какие там могли быть интересы у поляков? Тем не менее они финансировали грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, севе-

рокавказский «горский комитет». Создали «прометеизм» – некое обобщенное движение разноплеменных сепаратистов, получившее название по журналу «Прометей». Он выходил в Польше, на польские деньги, а сотрудничали в нем украинцы, азербайджанцы, татары. Впрочем, о «польских деньгах» здесь можно говорить только условно. Понятное дело, что Варшава выступала лишь прикрытием для операций более могущественных держав.

И вторгались через границу отряды савинковцев, тютюниковцев, кавказцев, басмачей. Засылалась в Советский Союз литература, агентура, создавались подпольные структуры. Впрочем, результаты были сомнительными. Антисоветским отрядам приходилось избегать столкновений с крупными силами красных. Рейдировали по деревням – там убьют несколько милиционеров, там разгромят сельсовет. Массовой народной поддержки эти налеты не получали. Народ устал от бесконечной войны, желал жить спокойно. «Гостям» из-за рубежа требовалось самим снабжать себя, что выливалось в грабежи...

Ну а подпольные антисоветские организации оказались недолговечными. Бывшие офицеры, чиновники, интеллигенты, вовлеченные в эту деятельность, были неопытными и отвратительными конспираторами. К ней подключались и всякого рода авантюристы, сомнительные и случайные элементы, они изменяли или перевербовывались при аресте. В 1921–1925 гг. чекистами были раскрыты многочисленные

отделения НСЗРиС в России, Белоруссии, на Украине, подполье анархистов, эсеров, «Центра действия», «Всеукраинского повстанческого комитета» Тютюнника и Петлюры. Кого-то расстреляли, кого-то отправляли в тюрьмы и лагеря.

Но какое дело было до этого зарубежным кругам, подпитывавшим антисоветскую борьбу? Ведь кровь лилась русская. Поддерживался раскол народа, провоцировался террор, нагнеталось озлобление, дополнялись взаимные счеты. В общем, точно так же, как на Российскую империю нацеливалась с Запада «советчина», так на Советскую Россию пошла «антисоветчина». Опять с Запада! Инициировалась она теми же самыми силами «мировой закулисы», которые прежде делали ставку на «советчину». Идеологический знак сменился на противоположный, но дело-то было совершенно не в этом. Главная цель осталась прежней. Расшатывание и ослабление России.

Однако и советские спецслужбы работали весьма эффективно. Разношерстный состав эмиграции, политический разброд, ностальгия по родине, нищета предоставляли отличные возможности вербовать агентов в ее среде. Кого покупали, кого переубеждали в правоте большевиков, манили перспективой «загладить вину» и вернуться на родину. А многие беженцы были откровенно возмущены тем, как западные державы предали союзную Россию, как высокомерно и пренебрежительно отнеслись к русским – и их тоже склоняли к сотрудничеству. Постепенно антисоветские организа-

ции оказались нашпигованы советскими агентами. В числе завербованных были многие видные фигуры: председатель Торгпрома Третьяков, один из руководителей БРП Кольберг, в РОВС – генерал Скоблин.

Некоторых участников подполья, арестованных в СССР, и захваченных ОГПУ посланцев из-за рубежа, перевербовывали, пообещав жизнь и свободу. С их помощью создавались фиктивные антисоветские организации. На одну из них, «Верховна вийськова рада», чекисты в 1923 г. заманили в Советский Союз и взяли генерала Тютюнника. Из него сделали рекламную фигуру, чтобы разлагать украинских националистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.